

АЛЕКСЕЙ ЩЕГЛОВ

ФАИНА РАНЕВСКАЯ
ВСЯ ЖИЗНЬ

ФАИНА РАНЕВСКАЯ

«СУДЬБА-ШЛЮХА»,
или Прогулка по жизни

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

АЛЕКСЕЙ ЩЕГЛОВ

ФАИНА РАНЕВСКАЯ
ВСЯ ЖИЗНЬ

У меня хватило ума глупо прожить жизнь...

Ф. Раневская

ОТ АВТОРА

Фаина Георгиевна Раневская уничтожила свою книгу воспоминаний.

Потом много раз возвращалась к ней, мучилась невозможностью все восстановить, начинала и останавливалась.

Как-то к ней обратились в очередной раз с просьбой написать книгу о своей жизни. Был заключен договор и даже получен аванс. Первая фраза, которую написала тогда Фаина Георгиевна, была: «Мой отец был небогатый нефтепромышленник...»

Дело не шло. Аванс Раневская вернула.

А нам объяснила: «Было много страшного, чего нельзя забыть до смертного часа и о чем писать не хочется. А если не сказать всего, значит, не сказать ничего. Потому и порвала книгу».

Раневская пообещала все восстановить. Книга ее жизни, разделенная по разным адресам, лежит в библиотеках, в архивах, в частных домах, в сотнях ее рукописей, пометках, в ее письмах друзьям, воспоминаниях современников. Многие из них известны, многое нигде не опубликовано. Там есть все, что она не могла напечатать в своей жизни, собрать в книгу. Теперь собрать это попробовал я, ее «эрзац-внук».

Ее талант связал любимый ею девятнадцатый и Серебряный век с нашими днями.

Еще в юности Фаина Георгиевна волей обстоятельств была разлучена со своими родными и нашла другую семью – семью своего первого театрального педагога Павлы Леонтьевны Вульф, моей бабушки, и ее дочери Ирины Сергеевны Анисимовой-Вульф, моей мамы. До последних своих дней Фаина Георгиевна оставалась для меня близким, родным человеком.

Я не профессиональный литератор, не искусствовед. Единственная возможность рассказать о Фаине Георгиевне – вспомнить все, что я знаю о ее жизни, все, что связано с нашей семьей, ставшей родной для Раневской, попытаться в рисунках увидеть то, что было перед ее глазами, вспомнить окно, в которое она смотрела, комнату, где она жила, вместе с читателем прочесть ее записи, ее черновики – яркие, непосредственные, не испытывавшие неизбежного влияния предстоящей публикации. Везде, где можно, я старался давать не пересказ, а прямые цитаты.

Я также старался избежать недомолвок, отточий и купюр, стремился сохранить ее орфографию, ее неповторимую пунктуацию.

Эта прозрачная, порой мучительная исповедь, часто без надежды быть услышанной, дорога своим существованием в наши дни, открывшие второе столетие со дня рождения Раневской.

Восемьдесят восемь лет Фаины Георгиевны, дошедшие до нас – в рукописях, написанных ее драгоценным крупным почерком, в воспоминаниях ее друзей, – мы проживем вместе с вами – по адресам ее жизни.

Там проходили ее дни, рождались незабываемые роли. Там были дорогие ей люди.

Им выпало счастье ее видеть и любить.

*Алексей Щеглов,
февраль 2003 г.*

*...Море меня никогда не волновало,
хотя я родилась у моря. А лес люблю...*

Ф. Раневская

ТАГАНРОГ

1896–1915

*27 августа 1896 года – Таганрог, Николаевская, 12 –
В семье – Детство и театр – Двор – Музыка
Чехов – Толстой – Гимназия – Летние каникулы –
Алиса Коонен – Павла Вульф – Разрыв с семьей*

Фаина Георгиевна Раневская родилась в Таганроге 27 августа 1896 года и всю жизнь гордилась тем, что в ее любимом городе родился Чехов и провел свои последние дни император Александр I.

Это была большая благополучная еврейская семья. Отдыхали у моря, в Крыму, бывали за границей – в Австрии, Швейцарии.

Отец – Гирши Фельдман, – уважаемый, богатый, известный в Таганроге человек с твердым и сильным характером.

Девичья фамилия матери – Валова. Мать – человек тонкой, изысканной души – страстно любила музыку и передала эту любовь Фаине вместе с редкой музыкальностью. Она была необычайно кротким, ранимым человеком. Ее авторитет был для Фаины непререкаем.

Их большой двухэтажный дом на Николаевской, 12 – из красного кирпича, с балконом, – сохранился. Кафельная печь с изразцовой картинкой.

Позади дома – большой длинный двор. В доме много людей, дети: братья Фаины и старшая сестра Белла – Белка.

Новый год, игрушки, елка, которую Фаина не любила. Не любила потому, что Беллу наряжали в чудесное платье, оно ее делало еще красивей. Все восхищались. Чудная, грустная Белла. А маленькая Фаина стояла в стороне, лишенная похвал.

Самые ранние воспоминания Фаины:

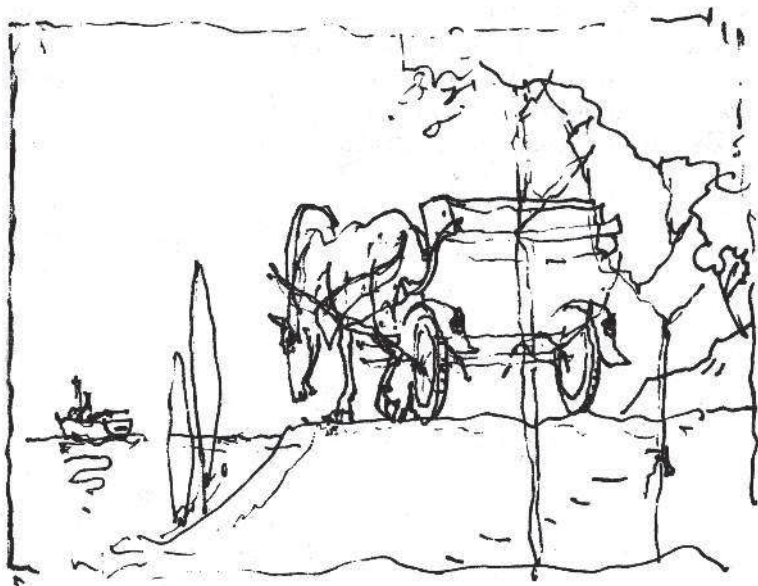
...Испытываю непреодолимое желание повторять все, что говорит и делает дворник. Верчу козью ножку и произношу слова, значение которых поняла только взрослой. Изображаю всех, кто попадает на глаза. «Подайте Христа ради», – прошу вслед за нищим; «Сахарная мороженая», – кричу вслед за мороженщиком; «Иду на Афон Богу молиться», – шамкаю беззубым ртом и хожу с палкой, скрючившись, а мне 4 года.

...У дворника на пиджаке медаль, мне очень она нравится, я хочу такую же, но медаль дают за храбрость – объясняет дворник. Мечтаю совершить поступок, достойный медали. В нашем городе очень любили старика, доброго, веселого, толстого грузина-полицмейстера. Дни и ночи мечтала, чтобы полицмейстер, плавая в море, стал тонуть и чтобы я его вытащила, не дала ему утонуть и за это мне дали бы медаль, как у нашего дворника. Эти мечтания не давали мне покоя.

Летом ездили в Швейцарию. На дачу – «на дутиках»: Вася, любимая лошадь, вез коляску на надувных шинах.

Когда Фаине было пять лет, умер младший братик. Она горько плакала, но – отвела траурный занавес с зеркала: «Какая я в слезах?»

Я вижу двор узкий и длинный, мощный булыжником, во дворе сидит на цепи лохматая собака с густой свалывшейся шерстью, в которой застрял мусор и даже гвозди, – по про-

Пароход „Святой Николай“,
море; лошадь Вася, коляска на „дупках“.

звищу Букет. Букет всегда плачет и гремит цепью. Я люблю его. Я обнимаю его за голову, вижу его добрые, умные глаза, прижимаюсь лицом к морде, шепчу слова любви. От Букета плохо пахнет, но мне это не мешает. В черном небе – белые звезды, от них светло, и мне видно из окна, как со двора волокут нашу лошадь «Васю», она неподвижна, ее втаскивают на подводу. Я люблю нашего рыжего Васю, он возит нас, детей, к морю, возит на дачу. Почему он лежит на подводе? Я кричу: «Что с Васей?» И мне отвечают: «Везем на живодерню». Я не знаю, что такое живодерня, потому что мне 5 лет.

Несчастной я стала в 6 лет. Гувернантка повела в приездный «Зверинец». В маленькой комнате в клетке сидела худая лисица с человеческими глазами, рядом на столе стояло корыто,

в нем плавали два крошечных дельфина, вошли пьяные шумные оборванцы и стали тыкать палкой в дельфиний глаз, из которого брызнула кровь...

Я стою в детской на окне и смотрю в окно дома напротив, нас разъединяет узкая улица и потому мне хорошо видно все, что происходит напротив в комнате. Там танцуют, смеются, визжат... Мне лет 7, я не знаю слов «пошлость», «мещанство», но мне очень не нравится все, что вижу в окне дома на втором этаже напротив. Я не буду, когда вырасту, взвизгивать, обмахиваться носовым платком или веером, так хохотать и гримасничать. Там чужие, они мне не нравятся, но я смотрю на них с интересом. Потом офицеры и их дамы уехали, и напротив поселилась учительница географии – толстая важная старуха, у которой я училась, поступив в гимназию. Она ставила мне двойки и выгоняла из класса, презирая меня за мое невежество в области географии. В ее окна я не смотрела, там не было ничего интересного...

Ненавидела гувернантку, ненавидела бонну немку. Ночью молила бога, чтобы бонна, катаясь на коньках, упала и расшибла голову, а потом умерла. Любила читать, читала запоем. Над книгой, где кого-то обижали, плакала навзрыд – тогда отнимали книгу, и меня ставили в угол. Училась плохо, арифметика была страшной пыткой. В семье была не любима. Мать обожала, отца боялась и не очень любила. Писать без ошибок так и не научилась, считать – тоже, наверное потому и по сию пору – всегда без денег.

Как-то старший брат, гимназист, сказал ей, очевидно, под влиянием демократических настроений: «Наш отец – вор, и в доме у нас все ворованное». Удрученная Фаина воскликнула: «И куколочки мои тоже ворованные?!» «Да», – безжалостно ответил брат. Фаина представила, как ее любимая мама стоит на «полундре»,

а папа с большим мешком грабит магазин детских игрушек. Вероятно, для брата понятия «вор» и «эксплуатор» не различались по смыслу. Младшая сестра ему безгранично верила, и они решили бежать из дома. Подготовились основательно: купили один подсолнух. По дороге на вокзал поделили его пополам и с наслаждением лузгали семечки. Тут их нагнал городской, отвез в участок, где ждали родители.

Дома была порка.

Фаина фантастически непрактична. Однажды удачно обменяла свои ручные часы на великолепные старые ножницы, коварно предложенные ей сыном дворника. Дома ей крепко досталось.

Всегда завидовала таланту: началось это с детства. Приходил в гости к старшей сестре гимназист, читал ей стихи, флиртовал. Читал наизусть. Чтение повергло меня в трепет. Гимназист вращал глазами, взвизгивал, рычал тигром, топал ногами, рвал на себе волосы, ломал руки. Стихи назывались «Белое покрывало». Кончалось чтение словами: «Так могла солгать – лишь мать», – и зарыдал. Я была в экстазе. Подруга сестры читала стихи: «Увидя почерк мой, Вы, верно, удивитесь, я не писала Вам давно и думаю, Вам это все равно», – подруга сестры тоже и рыдала, и хохотала, и опять – мой восторг и зависть, и горе, потому что у меня не выходило, когда я пыталась им подражать...

Первое свидание в ранней молодости было неудачным. Гимназист, поразивший мое сердце, обладал фуражкой, где над козырьком был герб гимназии, а тулья по бокам была опущена и лежала на ушах. Это великолепие сводило меня с ума. Придя на свидание, я застала на указанном месте девочку, которая попросила меня удалиться, т.к. я уселась на скамью, где

у нее свидание. Вскоре появился герой, нисколько не смутившийся при виде нас обеих. Герой сел между нами и стал насвистывать. А соперница требовала, чтобы я немедленно удалась. На что я резонно отвечала: «На этом месте мне назначено свидание, и я никуда не уйду».

Соперница заявила, что не сдвинется с места. Я сделала такое же заявление. Каждая из нас долго отстаивала свои права. Потом герой и соперница пошептались. После чего соперница подняла с земли несколько увесистых камней, стала в меня их кидать. Я заплакала... Пришлось уступить... Вернувшись на поле боя, я сказала: «Вот увидите, вас накажет Бог», – и ушла полная достоинства.

«Петрушка» – потрясение № 1. Каким-то образом среди игрушек оказались персонажи «Петрушки» – городской, цыган, дворник и еще какие-то куклы. Я переиграла все роли, говорила, меняя голос, городской имел неопишуемый успех. Была и ширма, и лесенка, на которую становилась. Сладость славы переживала за ширмой. С достоинством выходила раскланиваться. Как могло случиться, что в детстве я увидела цветной фильм, возможно, изображали сцену из «Ромео и Джульетты». Мне лет 12. По лестнице взбирался на балкон юноша неопишимо красивый, потом появилась девушка неопишимо красивая, они поцеловались, от восхищения я плакала, это было потрясение № 2. Возвратясь домой, я кинулась к моему богатству – копилке в виде фарфоровой свиньи, набитой мелкими деньгами (плата за рыбий жир). В состоянии опьянения от искусства, дрожащими руками схватила свинью и бросила ее на пол, по полу запрыгали монеты, которые я отдала соседским детям. В ту ночь я не спала.

Это был американский фильм 1908 года фирмы «Вайтограф» «Ромео и Джульетта», режиссера Джеймса Стюарта Блэктона. Виктор Семенович Листов, напи-

савший о кинематографе много интересного, недавно объяснил мне: действительно, фильм мог тогда показаться Фаине цветным – это была еще не цветная натура, а пленка, искусно вирированная в разные оттенки.

Жаркий Таганрог, сухой летний воздух, аллеи городского сада, спуск к морю, зеленые, с акацией из-за забора, улицы. Окна раскрыты. Из окон несется музыка.

В Таганроге было множество меломанов, во многих домах стояли фортепьяно. Знакомые мне присяжные поверенные собирались друг у друга, чтоб играть квартеты великих классиков. Однажды в специальный концертный зал пригласили Скрябина, у рояля стояла большая лира из цветов. Скрябин, войдя, улыбнулся цветам. Лицо его было обычным, заурядным, пока он не стал играть, и тогда я услышала и увидела перед собой гения. Наверно, его концерт втянул, толкнул душу мою в музыку... В нашем городе гастролировал пианист Гомфан, игравший Шопена как никто больше. Так мне тогда казалось. В театре в нашем городе гастролировали прославленные артисты. И теперь еще я слышу голос и вижу глаза Павла Самойлова в «Привидениях» Ибсена: «Мама, дай мне солнца» – я, помню, рыдала. Театр был небольшой, любовно построенный с помощью меценатов города. Первое впечатление было в детстве очень страшным. Я холодела от ужаса, когда кого-то убивали и при этом пели, я громко кричала и требовала, чтоб меня увели в оперу, где не поют. Кажется, это напугавшее меня зрелище называлось «Аскольдова могила». А когда убиенные выходили раскланиваться и при этом улыбались, я чувствовала себя обманутой и еще больше возненавидела оперу.

Фаина вспоминала с гордостью, что лечила зубы у племянника Антона Павловича Чехова.